Текст · 5 декабря 2025, 15:07
Илья Золотарев, Елизавета Нестерова,

«Сижу в этой разрухе и ничего не могу изменить». Последнее слово петербургского бизнесмена Григория Куниса — ему запросили 6 лет за донаты ФБК

В Петроградском районном суде Петербурга завершается процесс по делу о донатах ФБК[1] против 52-летнего бизнесмена Григория Куниса. Мужчину задержали в конце июля и отправили в СИЗО. Он признал вину. В суде Кунис говорил, что всегда «ориентировался на социально значимые проекты» и жертвовал фонду деньги, потому что ему нравились антикоррупционные расследования.

Кунис — основатель сервиса доставки продуктов *igooods*. В 2000-2010 годах он владел газетой «Мой район», сейчас это издание *MR7*. В 2014 году он за свои деньги организовал первое шествие «Бессмертного полка» в Петербурге. Его знакомые в суде описывали Куниса как «кристально честного» человека. Сегодня прокурор запросил ему 6 лет колонии за пожертвование ФБК трех с половиной тысяч рублей. После прений Григорий Кунис выступил с последним словом. «Медиазона» публикует его целиком.

1. Часть 1 статьи 282.3 УК.

Я признаю вину полностью. Я признаю, что я ошибся. В компаниях, которыми я руководил, был очень важный принцип — это право на ошибку.

Мне всегда было важно, чтобы каждый сотрудник приходил на работу с удовольствием, чтобы получал от нее удовлетворение. Тогда и результат работы лучше, и он дольше работает в компании. Это происходит естественным образом, если работник имеет возможность творить, добавлять, что-то свое. Страх наказания за ошибку обрезает эти порывы. Помимо этого, мне всегда было важно и выгодно, чтобы сотрудники экспериментировали, тем самым улучшая процессы. При экспериментах невозможно предсказать результат — что-то может получиться, что-то нет. Поэтому я активно пропагандировал право на ошибку, озвучивая при приеме на работу, напоминая на общих собраниях: «Если я не буду видеть ваши ошибки — это значит, что вы не творите, не экспериментируете».

Ваша честь, прошу ко мне применить право на ошибку. Смею заверить, ваша честь, что любое наказание, примененное в рамках закона, будет для меня хорошим уроком, и весьма высоким. Важнее, что я уже понес серьезное наказание, — четыре месяца в СИЗО. Для такого деятельного человека, как я, это серьезное наказание. И это не питание, о котором я говорил в начале [дела]. На каком-то этапе я сказал себе: «Гриша, твои папа и бабушка прожили блокаду, у них было 250 грамм хлеба в день. Твои условия никак не могут сравниться с тем, через что они прошли». Я воспринимаю питание в СИЗО как испытание, но отнюдь не как наказание.

На одном из заседаний по продлению ареста Григорий Кунис говорил, что в СИЗО не может нормально питаться из-за медицинских

ограничений: у него непереносимость глютена. За первый месяц в изоляторе он похудел примерно на 5 килограммов. Родные Куниса в суде говорили, что в условиях домашнего ареста смогут обеспечить ему соблюдение диеты, а сам он просил «избавить его от мучений».

Вообще в СИЗО происходит много ситуаций, которых не должно быть в жизни нормального человека: отсутствие базовых условий для нормального сна, систематические попытки унижения личности, воспрепятствование занятиям спортом. Все эти вещи очень тяжелые, но их можно воспринимать как испытание. Но есть две вещи, к которым невозможно приспособиться. Именно они являются тяжелым наказанием.

Первое. Я ответственный родитель, для своих детей я друг, товарищ по играм и опора. Мне мучительно больно осознавать, что они лишены всего этого уже несколько месяцев. И именно в тот момент, когда им настолько это нужно. В первую очередь это касается 14-летнего сына, который потерял лучшего друга и в этом году остался без друзей в школе. Ему настолько тяжело без меня, что в свой день рождения он решил поехать ко мне на свидание. Но их не пустили ко мне с мамой из-за бюрократических проволочек. Ощущение — как нож в самое сердце. Первые два с половиной месяца я был вообще лишен возможности говорить с детьми, хотя у меня было разрешение от следователя с первого дня ареста. Меня просто не выводили на звонки. Мне пришлось объявить голодовку, чтобы заставить сотрудников ФСИН исполнять свои обязанности. И только спустя два с половиной месяца я услышал

голос одного из своих детей. Это очень больно. Кроме того, я помогаю финансово и ухаживаю за престарелыми родителями, которым сейчас по 87 лет. Моя мама пережила рак, инсульт, а папе установлена пожизненная инвалидность. Сейчас я не могу им помогать, и это тоже очень больно.

Второе — это наказание бездельем. Мой трудовой стаж составляет 45 лет. Я работаю с 14 лет, поскольку видел, что нужно помогать родителям. В Советском Союзе растить четырех детей было очень непростой финансовой задачей. Далее я работал всю жизнь много и с удовольствием. Поэтому четыре месяца ничегонеделания — это очень серьезное наказание для меня.

Все, что я мог сделать полезного за эти четыре месяца, — это починить все книги в библиотеке ИВС, когда был там в сентябре, за что меня там прозвали «книжным доктором». Еще я сделал аналитику по системе работы ФСИН. Задался вопросом — как СИЗО влияет на вероятность совершения рецидивов? Я попросил адвокатов этот документ предоставить [суду], думаю, вам будет любопытно посмотреть.

У меня и руки на месте, могу починить все что угодно — электрику поправить, сантехнику привести в порядок, но в СИЗО ты ничего не можешь сделать сам. В пяти камерах, в которых я был, текут краны, не работает часть светильников, отваливаются розетки. Предлагаешь: «Давайте я сам это починю, потому что ремонтников не дождаться». — «Не положено!» В последней камере, где я сижу, отваливается дверь в туалет. Попросил: «Дайте мне инструменты на 30 секунд, шурупы подвернуть, чтобы она не рухнула

вдруг». В СИЗО женщины очень простые, ответили так: «Кунис, ты чего, нецензурно[1]? Где мы тебе инструменты здесь возьмем?» Вот и сижу в этой разрухе четыре месяца. Вынужденно смотрю на все это и ничего не могу изменить. Это огромнейшее наказание для меня.

Напоследок, ваша честь, добавлю, что государству и обществу крайне невыгодно содержать меня за решеткой. Каждый день содержания в СИЗО означает потерю для казны 100 тысяч рублей. К этой цифре очень легко прийти. В моем деле есть справки о налогах за последние пять лет. Эту цифру разделяем на количество дней, которые показывают, что мой труд приносил в доход государства ежедневно 100 тысяч рублей, 3 миллиона в месяц.

Я деятельный человек, я не могу сидеть без дела. Мое призвание — организовывать бизнесы, большие проекты. Нет сомнений, что я своим трудом могу принести большую пользу обществу в виде налогов и качественных сервисов. С начала лета я работал над большим проектом по передаче данных со счетчиков электроэнергии в абонентские компании без установки дорогостоящих цифровых приборов. Сейчас коммерческие потери сбытовых компаний составляют 30-40%. Это официальные данные. Это огромная государственная и социальная проблема. Ваша честь, вспомните свои счета за электричество. Так вот — одну треть вы платите, покрывая указанные потери. Программа, которую мы разработали, позволяет снизить потери с 30-40% до 10-12%. Без меня проект заморозился, потому что на мне была организующая роль. Ваша честь,

спасибо, что выслушали! Далее надеюсь на вашу справедливость.

Редактор: Анна Павлова

---

1. Так он сам выразился во время речи.